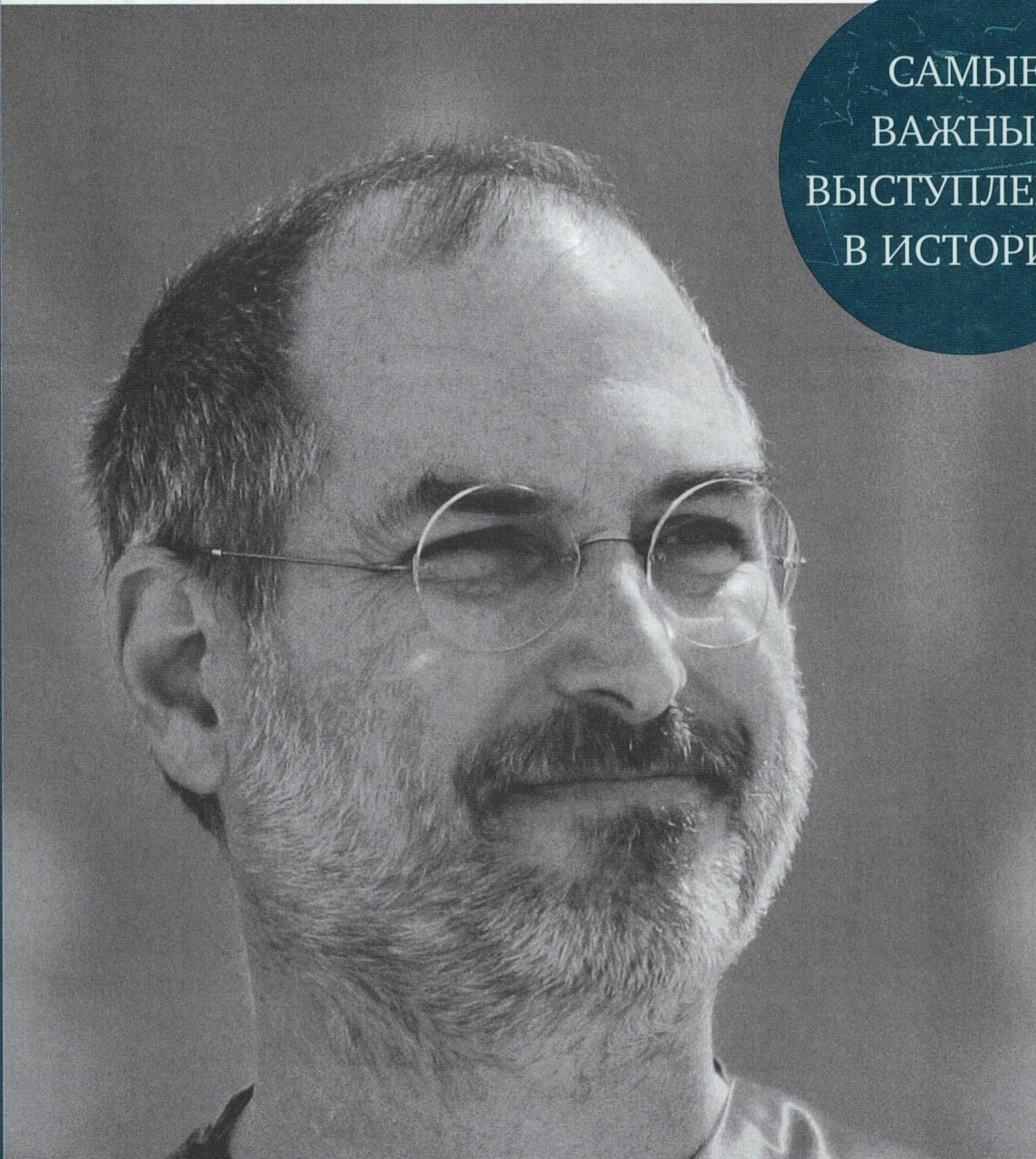

A black and white portrait of Steve Jobs, wearing his signature round glasses and having a beard. He is looking slightly to the right with a gentle smile. The portrait is set against a dark, textured background.

САМЫЕ
ВАЖНЫЕ
ВЫСТУПЛЕНИЯ
В ИСТОРИИ

РЕЧИ,

изменившие

МИР

pp

РЕЧИ, *измен*

От Сократа
до Джобса

2022-8
1016 α

и в ш и **МИР**

МОСКВА

2022

Содержание

Слово о слове
12

Пророк Исаия
«Слушайте, небеса,
и внимай, земля...»
Иерусалим, VIII в. до н. э.

15

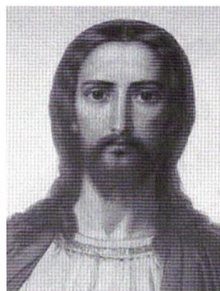
Перикл
«Герой возносится
на недостижимую
высоту»
Афины, 430 г. до н. э.

19

Сократ
«Тем, которые
осудили меня
на смерть»
Афины, 390-е гг. до н. э.

27

Иисус Христос
Нагорная
проповедь
Галилея, ок. 30 г.

33

Иоанн Златоуст
О смысле богат-
ства и бедности
Антиохия, 388 г.

39

Мартин Лютер
отказывается
отречься от
своего учения
Вормсский рейхстаг, 1521 г.

53

Феофан
Прокопович
Слово на погребе-
ние Петра Великого
*Санкт-Петербург,
8 марта 1725 г.*

57

Александр
Сумароков
На день коронава-
ния Екатерины II
Москва, 22 сентября 1762 г.

63

Джордж Вашингтон
отказывается
от личного
вознаграждения
Нью-Йорк, 30 апреля 1789 г.

69

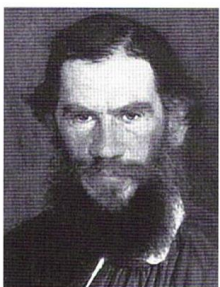
Жорж Жак Дантон
О революционной
законности
Париж, 24 января 1794 г.

75

Максимилиан
Робеспьер
«Французский на-
род славит Верхов-
ное существо!»
Париж, 8 июня 1794 г.

79

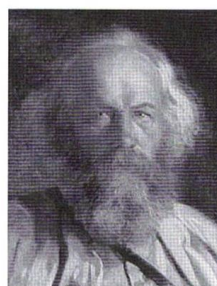
Лев Толстой
«Серьезное
сознание серьез-
ного народа»
Москва, 4 февраля 1859 г.

83

Александр II
Манифест о даро-
вании крепостным
свободы
*Санкт-Петербург,
19 февраля 1861 г.*

87

Михаил Бакунин
«Обожание царя
есть результат
недоразумения»
*Берн (Швейцария),
сентябрь 1868 г.*

93

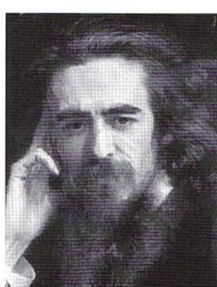
Петр Александров
Судебная речь в за-
щиту Веры Засулич
*Санкт-Петербург,
12 апреля 1878 г.*

107

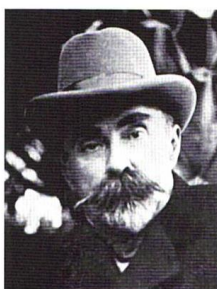
Федор
Достоевский
Пушкинская речь
Москва, 8 июня 1880 г.

125

Владимир Соловьев
«Он считал Россию
избранным
народом»
*Санкт-Петербург,
1 февраля 1882 г.*

139

Георгий Плеханов
Памяти
декабристов
*Женева (Швейцария),
14 (27) декабря 1900 г.*

145

Георгий Гапон
«Разобьем свои
оковы рабства!»

Санкт-Петербург,
20 (7) февраля 1905 г.

161

Петр
Столыпин
отстаивает в Думе
интересы державы

Санкт-Петербург,
5 мая 1908 г.

165

Александр
Керенский
«Революция
началась!»

Петроград,
15 февраля 1917 г.

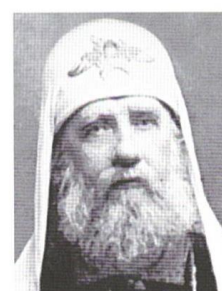
183

Вудро Вильсон
«Это война против
всех народов»

Вашингтон, 2 апреля 1917 г.

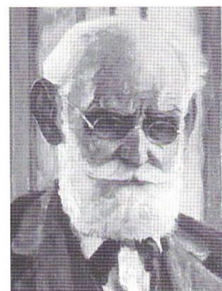
195

Патриарх Тихон
О восстановлении
патриаршества

Москва, 18 декабря 1917 г.

201

Иван Павлов
О русском уме

Петроград, 1918 г.

205

Владимир Ульянов
(Ленин)

Что такое
советская власть?

Москва, 25 мая 1919 г.

211

Лев Троцкий
«Молодежь — на-
дежда революции»

Москва, 5 октября 1919 г.

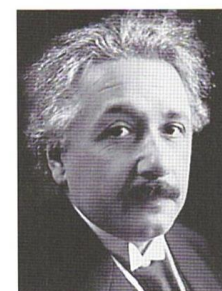
215

Анатолий
Луначарский
Достоевский
как художник
и мыслитель

Петроград, 12 ноября 1921 г.

219

Альберт
Эйнштейн
Наука и счастье

Пасадина (США), 1931 г.

229

Максим Горький
«Человек растёт
в действии»

Москва, 22 августа 1934 г.

233

Шарль де Голль
«Достоинство,
разум и высшие
интересы родины»

Лондон, 22 июня 1940 г.

237

Вячеслав Молотов
«Отбить
разбойничье
нападение»

Москва, 22 июня 1941 г.

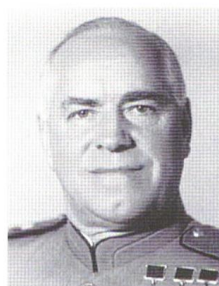
241

Иосиф Сталин
«Братья и сестры!
К вам
обращаюсь...»

Москва, 3 июля 1941 г.

245

Георгий Жуков
Речь на параде
Победы

Москва, 24 июня 1945 г.

253

Хо Ши Мин
провозглашает
независимость
Вьетнама

Площадь Ба Динь, Ханой,
2 сентября 1945 г.

257

Уинстон Черчилль
говорит о желез-
ном занавесе

Фултон, 5 марта 1946 г.

261

Давид Бен-Гурион
Декларация
независимости
Израиля

Тель-Авив, 14 мая 1948 г.

273

Чарли Чаплин
«Теперь я знаю,
что это Жизнь»

Веве (Швейцария),
16 апреля 1959 г.

277

Джон Кеннеди
«Победила
не партия,
а свобода»

Вашингтон,
20 января 1960 г.

281

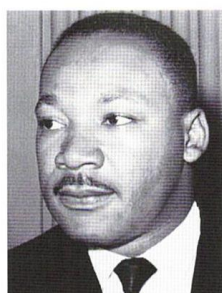

Юрий Гагарин

Речь перед
стартом

Байконур, 12 апреля 1961 г.

287

Мартин Лютер
Кинг

«У меня есть
мечта»

Вашингтон,
28 августа 1963 г.

291

Че Гевара
Великий
революционер
обвиняет

Алжир, 24 февраля 1965 г.

297

Индира Ганди
«Он дал народу
новое оружие»

Дели, 1 октября 1968 г.

301

Анвар Садат
«Все мы любим
эту землю»

Иерусалим, 20 ноября 1977 г.

305

Мать Тереза

«Сделать
желанным
каждого ребенка»

Осло (Норвегия),
10 декабря 1979 г.

317

Рональд Рейган

«Империя зла»

Орlando (штат Флорида),
8 марта 1983 г.

321

Маргарет Тэтчер

Проповедь
на холме

Эдинбург, 21 мая 1988 г.

327

Нельсон Мандела

«Пришло время,
чтобы залечить
раны»

Претория, 10 мая 1994 г.

333

Михаил Горбачев

«Целью моей
жизни было
уничтожение
коммунизма»

Анкара, апрель 1995 г.

337

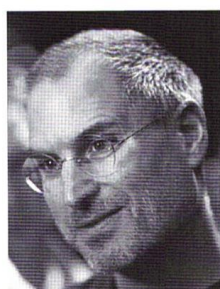

Борис Ельцин

«Я принял
решение»

Москва, 31 декабря 1999 г.

341

Стив Джобс

«Оставайтесь голод-
ными. Оставайтесь
безрассудными»

Стэнфордский универ-
ситет, 12 июня 2005 г.

345

Муаммар Каддафи

«Крик о помощи —
вот наша свобода
слова»

Оксфорд, 16 мая 2007 г.

351

Билл Гейтс

«Я верю, что мы
неравнодушны»

Гарвардский университет,
7 июня 2007 г.

357

Барак Обама

«Я сын черно-
кожего мужчины
и белой женщины»

Филадельфия,
18 марта 2008 г.

363

Ангела Меркель

«Перед лицом
общей угрозы»

18 марта 2020 года

375

Пушечный гром, раздавшийся
на Сенатской площади,
разбудил целое поколение

Георгий Плеханов

Памяти декабристов

Женева (Швейцария), 14 (27) декабря 1900 года

Георгий Валентинович Плеханов был одним из признанных теоретиков марксизма, его книги штудировали несколько поколений марксистов России, в том числе Ленин, называвший его философские произведения «лучшим, что есть во всей международной литературе марксизма». Но марксизм Плеханова кардинально отличался от возникшего позже марксизма-ленинизма. Предлагаемые им методы установления социального равенства в обществе были противоположны тем, к которым прибегли большевики. Плеханов рекомендовал революционерам воздействовать на рабочих и крестьян агитацией, постепенно пробуждая их самосознание и политическую активность.

Еще в 1883 году в книге «Социализм и политическая борьба» Плеханов писал, что в России попытка любой революционной партии, представляющей меньшинство населения, захватить власть и установить социализм приведет к возникновению неравенства, образованию «социалистической касты» и установлению диктатуры, вследствие чего народ утратит способность к прогрессу.

В 1876 году, после организации первой в России демонстрации рабочих и студентов, на которой Плеханов произнес антимонархическую речь, он перешел на нелегальное положение. В 1880 году он эмигрировал и провел за границей тридцать семь лет, посвятив их теоретическому обоснованию и пропаганде революционного движения. По его инициативе был создан «Союз русских социал-демократов», он руководил газетой «Искра», участвовал в организации II съезда РСДРП.

14 декабря 1900 года, в семьдесят пятую годовщину восстания декабристов, Плеханов выступил в Женеве с речью, посвященной этому событию. Он дал историческую характеристику движению, которое привело самых передовых людей своего времени на Сенатскую площадь, и той среде, в которой оно возникло. Он говорил о дворянстве начала девятнадцатого

века как о малообразованной массе, состоящей преимущественно из косных староверцев и темных помещиков. Ни об отмене крепостного права, ни тем более о свержении самодержавия и демократических свободах они не помышляли. Тем ценнее благородный порыв, возникший в сердцах немногих просвещенных людей, готовых отдать жизнь ради того, чтобы «своей гибелью указать путь будущим поколениям».

Плеханов ратовал за естественное развитие событий и закономерную смену одного политического строя другим. Рассуждая о декабристах, он говорит, что их протест против самодержавия при всей его моральной ценности не мог быть поддержан народом, который для этого еще не созрел, сохраняя веру в «доброго царя». Такую же позицию Плеханов занял позже, в 1917 году. Он резко возражал против «Апрельских тезисов» Ленина, считая насилие недопустимым, а Россию — не готовой к социалистическим преобразованиям, «так как пролетариат составляет меньшинство».

«Я не принадлежу к числу русских, которые вешают, я имею честь принадлежать к той фаланге русских, которых считают заслуживающими виселицы или, по крайней мере, изгнания», — писал он в 1883 году. Плеханов скончался в 1918 году от туберкулеза, избежав гонений от советской власти и дав ей возможность использовать свои философские труды для обоснования политики нового строя.

Господа!
Ровно семьдесят пять лет тому назад, 14 декабря 1825 года, в Петербурге произошло событие, глубоко поразившее современников и заслуживающее полного внимания потомства. Я говорю о вооруженном восстании на одной из петербургских площадей.

В честь этого события мы собрались в этой зале, и, конечно, не мы одни чтим его память сегодня. Сочувственное воспоминание о нем заставляет усиленно биться сердца всех тех русских, — а может быть, и не одних только русских, — людей, которые не заинтересованы в поддержании самодержавия и которые не равнодушны к учреждениям, превращающим обывателей в граждан, то есть обеспечивающим стране блага политической свободы.

На собраниях такого рода, как нынешнее, не принято читать длинные «рефераты». Здесь более уместны так называемые немцами Festreden¹.

Тем не менее я все-таки намерен характеризовать перед вами, хотя бы в немногих словах, как самое движение, приведшее к восстанию на Сенатской площади, так и ту среду, в которой оно возникло и развивалось.

А. Герцен в своей брошюре «La Conspiration russe de 1825» говорит, что в царствование Александра I «дворянство составляло, так сказать, активный народ, под которым внизу был народ, остававшийся неподвижным, и над которым сверху стояло правительство, отказывавшееся идти вперед».

«Эксплуатация крестьян дворянством совершалась в самой грубой форме — в форме крепостной зависимости. Крепостное право налагало свою печать на весь социально-политический строй России»

Народ, то есть собственно крестьянство и немногочисленные тогда фабричные рабочие, не был совершенно неподвижен и в то время. Он глухо волновался, и его неудовольствие то здесь, то там прорывалось в виде так называемых у нас бунтов, но Герцен все-таки прав в том смысле, что движение, которое мы имеем теперь в виду, происходило исключительно в дворянской среде. Когда Рылееву пришла мысль вербовать в члены Союза Благоденствия купцов, мысль эта была отвергнута его товарищами, потому что, как выразился член Союза барон Штейнгель, наши купцы — невежды!

Но какова же была тогда дворянская среда? Каково было социальное положение дворянства?

Дворянство было высшим, привилегированным сословием. Оно эксплуатировало крестьян. По экономической неразвитости тогдашней России эксплуатация крестьян дворянством совершалась в самой грубой форме — в форме крепостной зависимости. Крепостное право определяло собою все отношения помещиков к крестьянам и налагало свою печать на весь социально-политический строй России. В своей непрестанной, хотя почти всегда скрытой, борьбе с помещиками крестьяне, не уверенные в своих собственных силах, идеализировали царя, воображая его народный заступником. Они готовы были истреблять дворян по первому знаку высшего правительства. Уже одного этого обстоятельства было достаточно, чтобы лишить дворян всякой независимости по отношению к царской власти. А к этому присоединялось еще недоверчивое и даже прямо враждебное отношение низшего бедного дворянства к высшему богатому. Известно, что это отношение в значительной степени способ-

¹ Речи, произносимые на торжественном заседании, празднике.

ствовало торжеству императрицы Анны Ивановны над «верховниками», пытавшимися ограничить ее власть.

Ввиду всего этого «доблестному российскому дворянству» поневоле приходилось мириться со злом самодержавия и уверять в своей преданности тех самых царей, против которых оно «крамольничало» так часто и иногда так удачно. Русский дворянин, державший себя как «важный барин» со своими подчиненными, держал себя как лакей в своих сношениях с верховной властью. Вот как характеризует, например, настроение высшего московского общества умная и наблюдательная англичанка мисс Катрин Уильмот, гостившая у княгини Е. Р. Дашковой в 1805—1807 годах: «Подчинение в высшей степени господствует в Москве. Здесь собственно нет того, что называют джентльменом; каждый измеряет свое достоинство мерой царской милости. Поэтому старые идиоты и выжившие из ума женщины всемогущи... имея на себе более лент и чинов, чем люди молодые». И та же мисс Уильмот довольно ясно видела тесную связь между подмеченным ею духом «подчинения» и крепостным правом. «Я смотрю на каждого русского плантатора, — говорит она, — как на железное звено в огромной цепи, оковывающей это царство; и когда я встречаюсь с ними в обществе, я невольно думаю, что сами они — крепостные люди деспота».

Письма мисс Уильмот относятся, как я сказал, к 1805—1807 годам, то есть к началу царствования Александра I. Но дух, господствовавший в дворянской среде, не изменился, конечно, и к концу этого царствования; «то, что называлось высшим образованным обществом, — говорит декабрист И. Д. Якушкин, — большею частью состояло тогда из староверцев, для которых коснуться которого-нибудь из вопросов, занимавших нас, показалось бы ужасным преступлением. О помещиках, живущих в своих имениях, и говорить уже нечего»². Огромное большинство дворянства и думать не хотело об уничтожении крепостного права.

«Все почти помещики, — продолжает И. Д. Якушкин, — смотрели на крестьян своих как на собственность, вполне им принадлежащую, и на крепостное состояние как на священную старину, до которой нельзя было коснуться без потрясения самой основы государства. По их мнению, Россия держалась одним только благородным сословием, а с уничтожением крепостного состояния уничтожалось и самое дворянство». Вы легко можете представить себе, господа, каковы были, каковы должны были быть социальные и психологические последствия такого положения дел. Тот же И. Д. Якушкин справедливо замечает, что крепостное право на каждом шагу обозначалось у нас самыми отвратительными последствиями. «Беспрестанно доходили до меня, — говорит он, — слухи о неистовых поступках помещиков, моих соседей. Ближайший из них, Жиганов, имевший всего 60 душ, разъезжал в коляске и имел огромную стаю гончих и борзых собак; зато крестьяне его умирали почти с голоду и часто, ушедши тайком с полевой работы, приходили ко мне и моим крестьянам просить милостыню... В то же время почти беспрестанно доходили слухи об экзекуциях в разных губерниях». Выведенные из терпения, крестьяне отказывались повиноваться, и тогда к ним посылали военную силу, чинившую над ними жестокую расправу. Розги и палки, а в крайних случаях штыки и пули были необходимым плодом и неизбежным воспитательным средством «патриархального» крепостного режима. Жестокость становилась

Георгий Валентинович Плеханов (1856—1918), философ, деятель междunarодного социалистического движения, пропагандист и теоретик марксизма.

В студенческие годы участвовал в «хождении в народ», получил известность как публицист и один из руководителей организации «Земля и воля». После раскола организации выступал против тактики насилия и террора, основав «Черный передел» — организацию, которая действовала пропагандистскими методами. Во время эмиграции изучал марксизм, писал для российских и европейских передовых изданий, сотрудничал с лидерами социал-демократического движения. После Февральской революции 1917 года поддерживал Временное правительство, октябрьский переворот не принял.

² Воспоминания декабристов цитируются по сборнику «Записки декабристов», выходившему с 1862 года в Лондоне.

достоинством в глазах тех, которые держались лишь с помощью жестокости. От И. Д. Якушкина мы узнаем, что до похода за границу в 1813–1814 годах офицеры Семеновского полка, считавшиеся тогда лучшими во всей гвардии, любили толковать между собою о том, как лучше наказывать солдат: понемногу, но часто, или редко, но жестоко. «Я очень помню, — говорит он, — что командир 2-го батальона, барон Даллас, впоследствии бывший во Франции при Карле X министром иностранных дел, был такого мнения, что должно наказывать редко, но вместе с тем не давать солдату менее 200 палок, и надо заметить, что такие жестокие наказания употреблялись не за одно дурное поведение, но иногда за самый ничтожный поступок и даже за какой-нибудь промах во фрунте».

Все это показывает, что огромное большинство дворян того времени было «активным» разве лишь во вред народу. От этого большинства нельзя было ждать бескорыстных гражданских подвигов. И мы вряд ли ошибемся, отнеся к нему слова К. Ф. Рылеева (в его «Стансах»):

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные,
Иль бессмысленных детей...

Но к чести нашей страны, в этой среде, мертвой для всякой живой мысли и для всякого благородного порыва, стали появляться, под влиянием освободительного движения западноевропейского tiers état, люди, понимавшие весь ужас тогдашнего положения России и готовые всеми силами служить делу освобождения русского народа. Такие люди встречаются у нас уже в восемнадцатом столетии. Это были идеологи, которые (выражаясь словами коммунистического Манифеста) возвысились до теоретического понимания хода исторического движения. Они ненавидели крепостное право и стремились к гражданской свободе. При этом они очень ясно сознавали, что гражданская свобода невозможна там, где не существует границ царскому произволу. Так, уже Княжнин говорит в своем «Вадиме»:

Самодержавие, повсюду бед содетель,
Вредит и самую чистейшу добродетель,
И, невозбранные открыв пути страстям,
Дает свободу быть тиранами царям.

Но самым ярким представителем освободительных стремлений нашего восемнадцатого века был, без сомнения, Радищев. Его знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» показывает, как сильно возмущали его «алчность дворянства, грабеж, мучительство и беззащитное нищеты состояние». Он называет помещиков алчными зверями и ненасытными пиявицами; он спрашивает у них, что оставляют они крестьянину, и отвечает: «То, чего отнять не можете, воздух. Да, один воздух. Отъемлете нередко у него не токмо дар земли: хлеб и воду, но и самый свет... Вот жребий заклёпанного в узы! Вот жребий заключенного в смрадной темнице! Вот жребий вола в ярме!» Ненавидя крепостное право, Радищев ненавидел и царскую власть. В его оде «Вольность», замечательной во многих отношениях, особенно поражает нынешнего читателя следующая строфа, очевидно навеянная воспоминанием об английской революции семнадцатого века и ока-

«Розги и палки, а в крайних случаях штыки и пули были необходимым плодом и неизбежным воспитательным средством „патриархального” крепостного режима. Жестокость становилась достоинством в глазах тех, которые держались лишь с помощью жестокости»

оставляют они крестьянину, и отвечает: «То, чего отнять не можете, воздух. Да, один воздух. Отъемлете нередко у него не токмо дар земли: хлеб и воду, но и самый свет... Вот жребий заклёпанного в узы! Вот жребий заключенного в смрадной темнице! Вот жребий вола в ярме!» Ненавидя крепостное право, Радищев ненавидел и царскую власть. В его оде «Вольность», замечательной во многих отношениях, особенно поражает нынешнего читателя следующая строфа, очевидно навеянная воспоминанием об английской революции семнадцатого века и ока-

завшаяся пророческой по отношению к Франции, где в то время все более и более разыгрывалась революционная буря:

Восстанет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает;
В различных видах смерть летает
Над гордою главой царя.
Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщенье природы
На плаху возвело царя!

В лице Радищева мы, может быть, впервые встречаемся с убежденным и последовательным русским революционером из «интеллигенции». И недаром Екатерина II говорила о нем, что он бунтовщик хуже Пугачева... Известно, что Радищев погиб, можно сказать, дважды, но то стремление, которого он был одним из самых первых представителей, не погибло, а росло и крепло в последующие царствования. В 20-х годах XIX столетия это стремление находит себе сторонников между наиболее образованными офицерами. Пробуждению политической мысли в офицерской среде много содействовали, как известно, наполеоновские войны. «Пребывание в продолжение целого года в Германии и потом в течение нескольких месяцев в Париже, — говорит И. Д. Якушкин, — не могло не изменить воззрения хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановке каждый из нас сколько-нибудь вырос». И когда из этой обстановки, действительно «огромной» в историческом смысле, русская образованная молодежь вернулась на родину, ее неминуемо ожидал ряд самых тяжелых впечатлений; постыдное рабство народа и самовластье царя не могли не резать глаз, успевших привыкнуть к более отрадным зрелищам. Это лучше всего видно из записок того же Якушкина.

**«Гражданская свобода
невозможна там, где
не существует границ
царскому произволу»**

«И з Франции в 14-м году, — говорит он, — мы возвратились морем в Россию. 1-я гвардейская дивизия была высажена у Ораниенбаума и слушала благодарственный молебен... во время молебствия полиция нещадно била народ, пытавшийся приблизиться к выстроенному войску. Это произвело на нас первое неблагоприятное впечатление по возвращении в отечество». Интересно, что это неблагоприятное впечатление, полученное Якушкиным, было усилено поведением самого Александра I. При вступлении в Петербург девятой гвардейской дивизии Якушкин со своим приятелем Толстым, стоя недалеко от золотой кареты императрицы Марии Феодоровны, «любовались» императором, который на красивой рыжей лошади подъезжал к карете, готовясь опустить шпагу перед императрицей. «Но в самую эту минуту почти перед его лошадью перебежал через улицу мужик. Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого нами царя. Это было во мне первое разочарование на его счет; я невольно вспомнил о кошке, обращенной в красавицу, которая, однако ж, не могла видеть мыши, не бросившись на нее».

Из этих слов Якушкина видно, что в эпоху наполеоновских войн наша образованная и свободомыслящая военная молодежь еще любила Александра I. Это подтверждается и другими свидетельствами. Но по заключении мира дело очень скоро приняло другой оборот. Между тем как передовые люди того времени все более и более убеждались в необходимости широких общественных реформ, Александр I все более и более поддавался влиянию реакционеров. Вечно путешествующий и всегда занятый вопросами международной политики, он почти совсем не занимался внутренними делами, поручая их своим любимцам, между которыми первое место скоро было занято тупым и жестоким Аракчеевым. Члены Государственного совета и министры должны были обращаться к нему в тех случаях, где требовалось царское разрешение. Что значил для русского народа Аракчеев, это известно, без сомнения, всем здесь присутствующим, и потому я не стану распространяться об этом. Но я замечу, что чем более росла ненависть к Аракчееву в свободомыслящем меньшинстве тогдашнего русского общества, тем скорее чувство любви в Александру I заменялось у него чувством нерасположения и даже, как говорит Якушкин, ожесточения.

Нетрудно понять, как влияло это чувство на образ мыслей тогдашних передовых людей: если любовь к императору вызывала в них сочувствие к мирным реформам сверху и ожидание таких реформ то разочарование в императоре и ожесточение против него должны были вызывать и укреплять в них сочувствие и стремление к революционному способу действий. Люди, которые еще так недавно «любовались» Александром I и готовы были идти за ним на край света, веря в его благие намерения, теперь проклинали его как «тирана» и стали поговаривать о цареубийстве.

Это новое настроение передовых людей немедленно отразилось и на их литературных вкусах, они с жаром стали читать древних, особенно Плутарха, которым не менее сильно увлекались французские революционеры восемнадцатого столетия. А в их собственных литературных произведениях громко зазвучали гражданские мотивы. Припомните «Думы» К. Ф. Рылеева: «Михаил Тверской», «Волынский», «Артамон Матвеев» и другие; припомните в особенности его «Гражданина». Это последнее стихотворение так хорошо выражает настроение тогдашних революционеров, что полезно будет прочесть его здесь целиком. Вот оно:

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, не способен я в объятьях сладострастья,
В позорной праздности влачить свой век молодой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.
Пусть юноши, не разгадав своей судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенья века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человека...
Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдет ни Брута, ни Риеги³.

³ Луций Юний Брут — патриций, возглавивший в 509 г. до н. э. восстание против последнего римского царя Тарквиния Гордого, один из основателей Римской республики. Рафаэль дель Риего-и-Нуньес (1784—1823) — казненный вождь испанской революции 1820 года.

К. Ф. Рылеев был по преимуществу певцом гражданских чувств. Он в поэзии ценил прежде всего ее содержание, сильно расходясь в этом отношении с Пушкиным, — который даже в годы самых сильных политических увлечений не переставал быть строгим ценителем формы. Но общее настроение передового круга отразилось, тем не менее, и на Пушкине; укажу для примера на его послание к Чаадаеву, где он приглашает своего друга служить вместе с ним делу освобождения Родины:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь, взойдет она,
Заря пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна
И свергнет иго самовластья!

Не менее характерно и знаменитое стихотворение «Кинжал», в котором резко выделяется беспощадной ненавистью к деспотизму следующая строфа:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу...

Когда у людей возникают такие чувства, тогда действие становится для них психологической необходимостью. И мы видим, что уже в 1816 году являются попытки организации тайных обществ. Самым замечательным из этих обществ был «Союз Спасения, или Истинных и верных сынов отечества», в основании которого принимали участие братья Муравьевы, Александр и Никита, князь Трубецкой и Павел Пестель. Этот союз поставил перед собою цель изменения государственных учреждений. Но в то время существовали и другие тайные общества, цель которых не отличалась такою определенностью: таково, например, было основанное Орловым общество «русских рыцарей», члены которого стремились только к «пресечению злоупотреблений» и даже намеревались было просить царского на то разрешения. Были еще и другие общества в Петербурге между офицерами некоторых гвардейских полков, и в Малороссии, где Новиков основал Малороссийское общество при масонской ложе и где образовалось потом общество соединенных славян, стремившееся к освобождению и федеративному объединению всех славянских народов. Но нас более всего интересует здесь судьба «Союза Спасения».

В истории этого общества, скоро переименованного в «Союз Благоденствия», необходимо прежде всего отметить, как эпоху кризиса, московский съезд в феврале 1821 года, на котором решено было прекратить антиправительственную деятельность и положить конец существованию самого общества. На самом деле общество не было распущено, а только преобразовано и самое постановление о прекращении его действия принято было, чтобы удалить из него некоторые

«Самым ярким представителем освободительных стремлений нашего восемнадцатого века был, без сомнения, Радищев, недаром Екатерина II говорила о нем, что он бунтовщик хуже Пугачева...»

ненадежные и нерешительные элементы. Тут же, на съезде, выработан был новый устав, который разделялся на две части: в первой, которая предназначалась для вступающих, говорилось, что общество преследует филантропические цели; во второй, предназначенной для посвященных, указывалась действительная цель общества: ограничение самодержавия в России. Для заведования и руководства делами общества учреждались особые Думы. На первый раз таких Дум было учреждено четыре: в Петербурге, в Москве, в Смоленской губернии и в Тульчине. В дальнейшей истории Союза главная роль принадлежала Тульчинскому отделу, известному под именем Южного Общества и находившемуся под влиянием П. Пестеля, и Петербургскому, называемому иногда Северным Обществом. В нем главное влияние приобрел впоследствии К. Ф. Рылеев.

У же на Московском съезде решено было действовать на войска в духе тайного общества и «приготовить их на всякий случай». С этих пор члены «Союза Благоденствия» не расставались с мыслью о военном восстании, которая росла и зрела, очевидно, под сильным влиянием испанских событий. В 1823 году возник план захватить царя на смотре в Бобруйске. План этот не был приведен в исполнение по недостатку, сильно скоро он опять явился в несколько измененном виде. Именно, в апреле 1824 года Пестель, Бестужев Рюмин, братья Поджио, Давыдов и Швейковский намеревались убить Александра I на смотре в Белой Церкви и, произведя возмущение в войсках, идти на Киев и на Москву. Пестель рассчитывал, что ему удастся, истребив царскую фамилию, принудить Сенат и Синод к признанию тайного общества временным правительством, на обязанность которого легло бы водворение нового порядка.

Царский смотр в Белой Церкви был отменен, а потому и этот новый план не имел практических последствий.

Пестель был решительным республиканцем и считал необходимым учредить в России республику. Некоторые другие члены «Союза Благоденствия» готовы были удовольствоваться созванием Учредительного

соборания, которое само определило бы, быть ли России республикой или оставаться монархией. Но все были совершенно согласны в том, что необходимо положить конец существованию самодержавия и крепостного права. Успех заговорщиков знаменовал бы собою торжество гражданской и политической свободы в России. Весь вопрос в том, возможен ли был успех. А по этому поводу надо заметить, что в нем сомневались нередко и сами члены «Союза Благоденствия». И это обстоятельство — сомнение заговорщиков в успехе собственного дела — раскрывает перед нами в высшей степени замечательную черту их психологии. Сомневаясь, по крайней мере по временам, в возможности успеха, члены тайного общества не переставали, тем не менее, стремиться к борьбе и к открытому восстанию. Они считали, что их гибель даст благодетельный толчок развитию русской политической мысли, и готовы были пожертво-

«Все были совершенно согласны в том, что необходимо положить конец существованию самодержавия и крепостного права. Успех заговорщиков знаменовал бы собою торжество гражданской и политической свободы в России. Они считали, что их гибель даст благодетельный толчок развитию русской политической мысли, и готовы были пожертвовать собою для блага Родины»

вать собою для блага Родины. Эта черта их психологии ярко выразилась в знаменитом отрывке из «Исповеди Наливайко» К. Ф. Рылеева:

Известно мне: гибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа.
Судьба меня уж обрекла;
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

Декабрист Н. А. Бестужев рассказывает в своих «Воспоминаниях о Кондратии Федоровиче Рылееве», что когда Рылеев, написав эту «исповедь», прочитал ее жившему у него Михаилу Бестужеву, тот воскликнул: «Знаешь ли ты, какое предсказание написал ты самому себе и нам с тобою? Ты как будто хочешь указать на будущий свой жребий в этих стихах». — «Неужели ты думаешь, что я сомневался хоть минуту в своем назначении? — отвечал Рылеев. — Верь мне, что каждый день убеждает меня в необходимости моих действий, в будущей гибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для свободы России, а вместе с тем в необходимости примера для пробуждения спящих россиян».

Это свидетельство Н. А. Бестужева не оставляет никакого сомнения в том, что некоторая часть членов «Союза Благоденствия» сознательно шла на мученичество. Но известно, что стремление к мученичеству не только не ослабляет энергии людей, его имеющих, а удешевляет ее. Рылеев, твердо уверенный в том, что ему необходимо погибнуть «для пробуждения спящих россиян», был, как я уже сказал, душою петербургского «Северного общества», которое, подобно «Южному», находило, что нужно немедленное действие. В 1825 году Рылеев — по словам «Донесения следственной комиссии» — стал намекать о возможности начать восстание в мае 1826 года. Со своей стороны Пестель находил возможным восстать в январе того же года. Но обстоятельства, непредвиденные ни тем, ни другим, сложились так, что «Союз Благоденствия» вынужден был взяться за оружие еще раньше этого срока.

В июне 1825 года Александр I получил от унтер-офицера 3-го Бугского уланского полка Шервуда донос, указывавший на существование тайного общества и даже называвший одного из его членов — Федора Ватковского. В сентябре того же года Шервуд подал новый донос, заключавший в себе более подробные указания. Эти доносы Шервуда были подтверждены доносами генерал-лейтенанта Витта и капитана Вятского полка Майборода, который сам был членом «Союза Благоденствия». На основании этих доносов арестованы были некоторые члены Южного общества и между ними Пестель. За этими первыми арестами неминуемо последовали бы другие. «Союзу Благоденствия» был бы во всяком случае нанесен ряд сильных ударов. Но он не дождался их. Четырнадцатого декабря, в тот самый день, когда на юге был арестован Пестель, в Петербурге произошло восстание на Сенатской площади.

Вы все, конечно, знаете, господа, каков был внешний повод петербургского восстания. Заговорщики решили воспользоваться для своих целей той неурядицей, которая вызвана была смертью Александра I

«Смотря на события 14 декабря, как на сражение между сторонниками самодержавия и сторонниками политической свободы, мы не можем не видеть непоследовательности и нецелесообразности в действиях заговорщиков. Если же мы взглянем на те же события как на военную манифестацию, предпринятую людьми, не успевшими приготовиться к серьезной битве и решившимися погибнуть для того, чтобы своею гибелью указать путь будущим поколениям, то мнимая непоследовательности и нецелесообразность их действий очень просто объяснится нежеланием усиливать кровопролитие и увеличивать число жертв. „Эти люди хотели всенародно заявить мысль русской свободы, — справедливо говорит Герцен, — зная, что они погибнут, но что, раз всенародно заявленная, эта мысль уже никогда не погибнет”»

и препирательствами, возникшими между великими князьями Николаем и Константином по вопросу о престолонаследии.

Еще при жизни Александра Константин более или менее добровольно отказался от своего права на престол, вследствие чего оно перешло к Ни-

«Невольно переспрашиваешь себя: да неужели же в самом деле не хватило находчивости, решительности или храбрости у этих блестящих военных людей, полных ума и энергии и умевших смотреть в глаза смерти без малейшей боязни?»

колаю. Но об этой сделке знали, кроме заинтересованных лиц, лишь очень немногие посвященные, между тем как вся остальная нечиновная и даже чиновная Россия продолжала считать наследником Константина. Когда в Петербург пришло (27 ноября ст. ст.) известие о смерти Александра в Таганроге, Николай тотчас после панихиды, отслуженной по Александре в придворной церкви, отвел в сторону петербургского военного губернатора Милорадовича и сказал ему, что по духовному завещанию покойного императора престол принадлежит ему, Николаю. На это Милорадович ответил, что в России есть закон о престолонаследии, повинуюсь кото-

рому он уже послал войскам приказание присягать Константину. Николай не мог сломить твердость Милорадовича и увидел себя вынужденным присягнуть своему старшему брату. За ним присягнул Михаил Николаевич и все находившиеся во дворце сановники. Таким образом, 27 ноября 1825 года русским императором сделался Константин.

Но, присягнув своему брату, Николай не считал своего дела проигранным. Он отправил к Константину, бывшему тогда в Варшаве, послов, которые должны были напомнить ему о его отречении от престола. По всему видно, что бывший «цесаревич» принял это напоминание с большим неудовольствием. Он не согласился всенародно объявить о своем отказе от императорского трона. Но вместе с тем он не решался и оспаривать права Николая. Он сидел в своем кабинете мрачный и растерянный, ничего не предпринимая ни в том, ни в другом смысле. В результате получилось нечто вроде междуцарствия, продолжавшегося 16 дней и вызвавшего всеобщее недоумение.

Сибариты высшего петербургского общества, «хладные трупы» и «бессмысленные дети», равнодушные к судьбам своей страны, только острили по поводу этой нелепой неурядицы, спрашивая друг друга, продадутся ли и по какой цене продадутся бараны. Но «Союз Благоденствия» не мог оставаться спокойным. У Рылеева ежедневно собирались на совещание находившиеся тогда в Петербурге члены тайного общества: князь Трубецкой и Оболенский, братья Бестужевы, Глинка, Булатов и другие. И с каждым новым совещанием для них все яснее становилась необходимость воспользоваться междуцарствием в интересах своего дела. Князь Трубецкой был выбран диктатором, и ему предоставлена была власть действовать в решительную минуту по своему усмотрению и распоряжаться всеми силами общества. Все понимали, что развязка не заставит себя долго ждать.

Одиннадцатого декабря на собрании у Рылеева решено было не присягать Николаю Павловичу и, подняв гвардейские полки, вести их на Сенатскую площадь. «В надежде на успех, — рассказывает И. Пущин, — был подготовлен манифест, который Сенат должен был обнародовать от себя и которым созывалась Земская Дума, долженствовавшая состоять из представителей всей земли русской. Этой Земской Думе предоставлялось

определить, какой порядок правления наиболее удобен для России. Пока соберется Дума, Сенат должен был назначить временными правителями членов Государственного совета: Сперанского, Мордвинова и сенатора И. М. Муравьева-Апостола. При временном правительстве должен был находиться один избранный член тайного общества и безослабно следить за всеми действиями правительства».

На следующий день, 12 числа, Рылеев узнал, что тайное общество было предано одним из его членов, Я. Ростовцевым, который счел долгом своей «совести» известить Николая об угрожавшей ему опасности. Таким образом, последние корабли оказались сожженными, заговорщики не могли бы уже отступить, если бы даже и захотели этого. Но они не думали об отступлении.

Утром 14 декабря, когда войскам, находившимся в Петербурге, приказано было присягать Николаю, Александр Бестужев и князь Щепин-Ростовский увлекли за собою лейб-гвардейский Московский полк и привели его на Сенатскую площадь. Спустя некоторое время туда же пришли лейб-гренадеры, предводимые батальонным адъютантом Пановым, и моряки гвардейского экипажа с офицерами Кюхельбекером, Арбузовым, Пушкиным, двумя братьями Беляевыми, Дивовым и Бодиско. С гвардейским экипажем пришел также не принадлежавший к нему капитан-лейтенант Н. Бестужев. Все эти войска выстроились тылом к Сенату, лейб-гренадеры — налево, а моряки — направо от Московского полка.

То, что произошло на площади, можно описать в немногих словах. Отбив кавалерийскую атаку конногвардейцев, «мятежники» продолжали твердо стоять, не поддаваясь никаким «увещаниям», и были рассеяны только картечью. Покинув Сенатскую площадь, они попытались было выстроиться на льду Невы, но пушки продолжали делать свое кровавое дело, уничтожая всякую возможность серьезного сопротивления. Восстание было подавлено. Начались массовые аресты.

Само собою разумеется, что Николай жестоко отплатил побежденным за страх, испытанный им ввиду восстания. Но прежде чем описывать его расправу с ними, я хочу прибавить еще несколько слов о действиях заговорщиков в день четырнадцатого декабря:

С точки зрения собственно боевой целесообразности действия эти вряд ли могут выдержать даже снисходительную критику. Правда, много замешательства внесено было в них странным поведением Трубецкого, который не только не исполнил своей обязанности предводителя восстания, но даже не явился на Сенатскую площадь. Но уже одно то обстоятельство, что заговорщики, не решаясь действовать без его приказаний, ждали его до самого вечера в виду войск, оставшихся верными Николаю, как будто показывает, что они мало были расположены к наступательным действиям. Подобное же впечатление производят и многие другие происшествия как этого, так и предыдущего дня. По словам Пущина, Каховский «дал слово Рылееву, если Николай Павлович выедет перед войсками, нанести ему удар». Это не было сделано. Почему? Пущин объясняет это тем, что Александр Бестужев после, наедине с Каховским, уговорил его не пытаться исполнить данное им Рылееву обещание. Чем руководствовался А. Бестужев, отговаривая Каховского? И почему уступил его настояниям Каховский, не поколебавшийся поднять руку на Милорадовича? Далее. На последнем собрании у Рылеева, вечером 13 декабря, решено было, что на другой день утром А. Бестужев и Якубович, выведя из казарм Московский полк, пойдут с ним в артиллерийские казармы на Литейной забрать там орудия и звать артиллеристов на Сенатскую

«Донесение следственной комиссии приписывает почти каждому из них глубокое раскаяние. Но всякий, кто внимательно прочтет это донесение, убедится, что оно систематически искажает истину»

площадь. Это тоже не было сделано. А между тем как важно было бы для заговорщиков иметь пушки на своей стороне! Но и эту страшную ошибку мог поправить Панов, проходивший с лейб-гренадерами по Дворцовой площади мимо тех самых орудий, которые потом осыпали восставших картечью. Все говорят, что Панов мог тогда захватить эти орудия. Но он даже не пытался сделать это. Тот же Панов проходил со своими солдатами через Петропавловскую крепость и, стало быть, без труда мог овладеть ею, обеспечив этим надежную точку опоры своим единомышленникам в случае

неудачи. Но и эта мысль, как видно, не приходила ему в голову? Чем объяснить эти промахи? И чем объяснить, наконец, тот, может быть, крупнейший промах, что восставшие до вечера стояли на площади, дав своим врагам время собраться с силами, а не предупредили их нападения и не напали на дворец ранним утром? Сердце обливается кровью, когда подумаешь, что благодаря всем этим и другим подобным ошибкам заговорщики лишились возможности нанести своим врагам жестокие и страшные удары. И невольно переспрашиваешь себя: да неужели же в самом деле

не хватило находчивости, решительности или храбрости у этих блестящих военных людей, полных ума и энергии и умевших смотреть в глаза смерти без малейшей боязни? Нет, такое предположение решительно несообразно с тем, что мы знаем о декабристах. Но если это так, то спрашивается, чем же объясняется нецелесообразное поведение заговорщиков в день четырнадцатого декабря 1825 года?

Я думаю, что на этот вопрос можно правильно ответить лишь указанием на ту черту их психологии, которую я отметил, сказав, что они сознательно шли на мученичество. Они мало верили в непосредственный успех своего восстания; это показывают собственные признания многих из них. На совещаниях у Рылеева, происходивших во время междоусобицы, обнаружилось, что силы тайного общества очень малы. Когда утром 12 декабря депутаты от разных полков собрались у Оболенского, то на его вопрос: «Сколько каждый из них может вывести на Сенатскую площадь?» они ответили, что не могут поручиться ни за одного человека. При таких условиях трудно питать уверенность в победе. И если заговорщики все-таки вышли на площадь, то это объясняется их уверенностью в том, что их гибель нужна для пробуждения «спящих россиян». Рылеев, который, по его собственным словам, мог все остановить и который всех побуждал к действию, хорошо знал, что идет на гибель. То же знали, как видно, и другие, например, молодой князь Одоевский, воскликнувший накануне восстания: «Мы умрем, но мы умрем со славой!»

Если мы допустим, что таково было настроение членов тайного общества, то их действия на Сенатской площади представятся в совершенно новом свете. Смотря на события 14 декабря как на сражение между сторонниками самодержавия и сторонниками политической свободы, мы не можем не видеть непоследовательности и нецелесообразности в действиях заговорщиков. Если же мы взглянем на те же события как на военную манифестацию, предпринятую людьми, не успевшими подготовиться к серьезной битве и решившимися погибнуть для того, чтобы своею гибелью указать путь будущим поколениям, то мнимая непоследовательность и нецелесообразность их действий очень просто объясняется нежеланием усиливать кровопролитие и увеличивать число жертв. «Эти люди хотели всенародно заявить мысль русской свободы, — справедливо говорит Герцен, — зная,

что они погибли, но что, раз всенародно заявленная, эта мысль уже никогда не погибнет». При таком настроении вопрос о том, удастся или нет захватить пушки и занять Петропавловскую крепость, мог иметь в их глазах лишь второстепенное или третьестепенное значение.

Если же, взглянув на дело с этой точки зрения, мы спросим себя, достигнута ли была главная цель восставших, то мы не колеблясь ответим утвердительно, потому что — как это очень хорошо сказал тот же Герцен — пушечный гром, раздавшийся на Сенатской площади, разбудил целое поколение.

Прибавлю еще, что с этой точки зрения героическая самоотверженность заговорщиков представляется в еще более ярком свете. Укажу опять на Рылеева. Когда он собирался выйти из дому утром 14 декабря, его жена, догадываясь, что ему грозит большая опасность, стала со слезами упрашивать его остаться. Автор стихотворения «Гражданин» оставался непоколебим. Тогда бедная, пораженная горем женщина закричала своей дочери: «Настенька, проси отца за себя и за меня!» Испуганный ребенок подбежал к отцу и, рыдая, обнял его колени, между тем как мать почти без чувства упала к нему на грудь. Рылеев положил ее на диван и, освободившись из объятий дочери, пошел на площадь. Перед этой потрясающей сценой бледнеют все остальные проявления героического самоотвержения Рылеева.

Эпилогом событий 14 декабря является столкновение около Белой Церкви, происшедшее 3 января 1826 года между солдатами Черниговского пехотного полка, восставшими под командой С. Муравьева, и отрядом генерала Гейсмара. Замечательно, что и в этом столкновении решающую роль сыграла артиллерия. «Приближаясь на известное расстояние к небольшому возвышению, из-за которого действовали два орудия, — говорится в рассказе „Белая Церковь“, записанном Ватковским со слов Соловьева, Быстржицкого и Мазолевского, — Муравьев предложил рассыпать стрелков и под огнем их атаковать орудия. Но прежде чем он это исполнил, открыли картечный огонь. С первых выстрелов Сергей Муравьев ранен картечью в левую часть черепа над глазом, и батальон его рассеялся».

Николай мог теперь праздновать полную победу. И он отпраздновал ее по-своему. Петропавловская крепость была переполнена арестантами, от которых всеми силами старались добиться так называемых чистосердечных признаний. «В полночь внезапно отпирались двери темниц, на узника набрасывали покрывало, безмолвно вели его через коридоры, дворы и проходы крепостные. Когда снимали покрывало, он находился уже в зале присутствия перед членами комиссии. Члены предлагали вопросы на жизнь или на смерть, требовали ответов мгновенных и обстоятельных, обещали именем государя помилование за откровенность, отвергали оправдания, объявляя, что оные будут допущены впоследствии перед судом, вымышляя показания, отказывали иногда в очных ставках и часто, увлеченные своим рвением, прибегали к угрозам и поношениям, чтобы вынудить признание или показание на других. Кто молчал или по неведению происшествий, или от опасения погубить невинных, того и темнице лишали света, изнуряли голодом, обременяли цепями. Врачу поручено было удостовериться, сколько осужденный мог вынести телесных страданий». Когда И. Д. Якушкин отказался выдавать своих товарищей, допрашивавший его Левашов воскликнул: «Так вас заставят назвать их. Я приступаю к обязанности судьи и скажу вам, что в России есть пытка». В применении к Якушкину пытка ограничилась только закованием в кандалы, но другим пришлось вытерпеть гораздо больше. Вот что рассказывает о Пестеле один из декабристов, видевший его перед казнью.

«Он был после болезни, испытавши всевозможные истязания и пытки времен первого христианства. Два кровавые рубца на голове были свидетелями этих пыток! Полагать должно, что железный обруч, крепко свинченный на голове, с двумя вдавленными глубокими желобами, оставил на голове его свои глубокие два кровавые рубца».

Если бесчеловечная жестокость следователей поколебала мужество некоторых (очень немногих) второстепенных членов общества, то на огромное большинство их она совсем не произвела устрашающего действия. Донесение следственной комиссии приписывает почти каждому из них глубокое раскаяние. Но всякий, кто внимательно прочтет это донесение, убедится, что оно систематически искажает истину. Вот яркий пример, приводимый Герценом в его книге «14-го декабря и император Николай»: «Якушкину смертная казнь сведена на двадцать лет каторжной работы в уважение совершен-

**«Когда разовьется
политическое самосознание
русской трудящейся массы,
тогда — и только тогда —
взойдет та „заря пленитель-
ного счастья“, о которой
говорит Пушкин в послании
к Чаадаеву»**

ного раскаяния. Между тем раскаяние Якушкина состояло только в следующем: он сказал суду, что соглашался на цареубийство и сам; решался на него, что, следственно, он должен быть осужден на казнь, и пусть его казнят, но что он более ничего говорить не будет. Император Николай сам его позвал и велел признаться. Якушкин и ему сказал то же, что перед судом. „Да знаешь ли перед кем ты стоишь? — закричал государь. — За то, что ты государю не говоришь правды, если бы и я тебя помиловал, то на том свете Бог тебя не простит“. — „Да ведь я в будущую жизнь не верю“, —

отвечал спокойно Якушкин. — „Вон отсюда этого мерзавца“, — закричал Николай и велел опять отвести Якушкина в тюрьму, дать ему катехизис, кормить его постным и ежедневно посылать к нему попа для назидания. — Вот и все раскаяние Якушкина». Рылеев прямо заявил следственной комиссии, что честь 14 декабря принадлежит ему и что он мог все остановить, но считал нужным побуждать к действию. Донесение комиссии и ему приписывает «совершенное раскаяние и перемену образа мыслей». На эту клевету лучше всего отвечает следующее четверостишие Рылеева, написанное им (гвоздем на оловянном блюде) во время его заключения в крепости:

Тюрьма мне в честь, не в укоризну,
За дело правое я в ней,
И мне ль стыдиться сих цепей,
Когда ношу их за отчизну?..

Верховный уголовный суд «признал и единогласно определил, что преступления, в актах означенные и собственным признанием подсудимых двукратно удостоверенные, подлежат все без изъятия смертной казни». Такой приговор оставлял широкое место как «высокомонаршему милосердию», так и «спасительной строгости». После двукратного «всемилодивейшего» вмешательства со стороны нового императора он все-таки заключал в себе смертную казнь для пяти обвиняемых, а для остальных — каторгу, ссылку, службу в солдатах с выслугой или без выслуги.

Приговор был объявлен подсудимым 13 июля 1826 года. В этот день в караул при Верховном суде был назначен целый эскадрон кавалергардов, которые, по словам одного из осужденных, смотрели на них с умилением и сожалением.

Вот как описывает этот же осужденный смерть Рылеева и его товарищей: «В семь часов вечера того же 13-го июля пришли служители алтарей приготовить наших мучеников к смерти. В восемь часов им принес-

ли саваны и цепи, грустно со стуком прозвеневшие. Потом все затихло. Усталость, изнеможение и душевные волнения этого дня всех прочих заставили приутихнуть, и эта торжественная тишина, только прерываемая беспрестанными повторениями плац-майора и плац-адъютанта не говорить с приговоренными к смерти, была поразительно величественна! Солдаты, прислуживавшие в номерах, чтобы не прерывать эту тишину, ходили на цыпочках. Они плакали. В два часа ночи в последний раз прозвенели цепи. Пятерых мучеников повели вешать в ров Кронверкской куртины. Сергей Муравьев-Апостол дорожно сказал громко провожавшему священнику, что вы ведете пять разбойников на Голгофу — и „которые, — отвечал священник, — будут одесную Отца“. Рылеев, подходя к виселице, произнес: „Рылеев умирает как злодей, да помянет его Россия!“ Лейб-гвардии Павловского полка капитан Степанов вел их на виселицу... Тогда же говорили в крепости, что веревки, на которых висели Рылеев и Бестужев-Рюмин, оборвались и их снова в другой раз повесили»⁴.

С тех пор прошло семьдесят пять лет, и много других казней видело наше несчастное отечество, много других жертв принесено было делу русской свободы! Но имена Павла Пестеля, Кондратия Рылеева, Сергея Муравьева-Апостола, Петра Каховского и Михаила Бестужева-Рюмина останутся в памяти всех свободолюбивых русских людей, как имена первых из тех наших — увы! многочисленных — мучеников, которые жизнью заплатили за свои революционные стремления. Мы, социал-демократы, помним имена этих мучеников, по-своему преследуя ту самую цель, к которой они стремились всем сердцем и всем помышлением. Но именно потому, что мы чтим в этих людях своих предшественников и хотим продолжать их дело, мы не имеем права закрывать глаза на то обстоятельство, которое помешало их непосредственному успеху. Это обстоятельство было указано еще Герценом: у них не было поддержки со стороны народа, «и судьба их дела решена». Я уже указал, что сословие, к которому принадлежали люди 14 декабря, было консервативно по самому положению своему. То дворянское меньшинство, которое сумело возвыситься над сословными предрассудками и сословными интересами, было слишком слабо для того, чтобы добиться осуществления своих идеалов. Это необходимо знать и помнить, потому что вся дальнейшая история русской революционной мысли — за самыми малыми исключениями — может быть формулирована как ряд попыток найти такую программу действия, которая обеспечила бы революционерам сочувствие и поддержку со стороны народной массы. Мы, социал-демократы, убеждены, что мы нашли такую программу. Беря за точку исхода непосредственные экономические интересы трудящейся массы и прежде всего ее наиболее передовой части: пролетариата, мы стараемся развить ее политическое самосознание и популяризировать в ней идею борьбы за политическую свободу. В этом заключается наша месть царизму за те жертвы, которые пали и падают под его ударами. Когда разовьется политическое самосознание русской трудящейся массы, тогда — и только тогда — взойдет та «заря пленительного счастья», о которой говорит Пушкин в послании к Чаадаеву; тогда — и только тогда

Россия вспрянет ото сна
И свергнет иго самовластья!⁵

«Имена Павла Пестеля, Кондратия Рылеева, Сергея Муравьева-Апостола, Петра Каховского и Михаила Бестужева-Рюмина останутся в памяти всех свободолюбивых русских людей, как имена первых из тех наших — увы! многочисленных — мучеников, которые жизнью заплатили за свои революционные стремления»

⁴ На самом деле оборвалось не двое, а трое осужденных: Рылеев, Каховский и Муравьев-Апостол.

⁵ У Пушкина: «Россия вспрянет ото сна, / И на обломках самовластья / Напишут наши имена!»

